

Н. Ш. Питання до Михайла Ремовича Грицкевича — як поету О. Твардовському вдалося зробити Вас його постійним читачем, дослідником його творчості і великим шанувальником?

Михаил Ремович Грицкевич. Автор и читатель — многогранность и модификация во времени. У каждого серьезного художника присутствует, в той или иной форме, ориентация на читателя-адресата своей продукции.

Однако все авторские признания в такой ориентации могут быть только косвенным подтверждением. Основное заключено в самих произведениях. Именно в них проявляется установка на общение с читателем, на стремление овладеть его вниманием, вызвать сопереживание, привести к какому-то, пусть малому, открытию.

Рассмотрение литературного наследия того или иного автора как составной части современной духовной культуры подводит нас к вопросу о воздействии литературного произведения на читателей-современников и последующих поколений.

Как правило, автор не только осознает наличие воспринимающей стороны (т. е. читателя), но и учитывает её, её запросы в своем творчестве.

Отношение же читателя к произведению определяется социальными, и даже психологическими предпосылками. Сюда можно добавить условия определенного, конкретного исторического периода, в котором литературное произведение продолжает функционировать и вызывать читательский интерес.

Читатель как бы «достраивает» в своем воображении образ, созданный художником. И делается это в соответствии с тем ассоциативным диапазоном, который определен потенциалом данного произведения.

Здесь можно выделить следующие градации:

1. Ассоциации, вызванные художественным обобщением.
2. Ассоциации, посредством которых читатель вступает в контакт с реальной действительностью (т. е. устанавливает

взаимосвязи между произведением и реальной действительностью).

3. Ассоциации, воздействующие на эмоционально-подсознательную сферу.

Следует помнить, что в каждом отдельном случае ассоциации, возникающие у читателей, носят личностно-неповторимый характер. И в этом случае ассоциации устанавливают связь между художественной реальностью и реальной действительностью.

Автор же преследует цель одарить читателя каким-то своим открытием. Принадлежащий ему текст должен вписаться в естественное течение другой жизни — жизни читателя.

Примеров тому множество. Обратимся, например, к творчеству А. Твардовского. Он прямо указывал на свою неразрывную связь с читателем: «Читатель мне помог написать эту книгу такой, какова она есть» — писал поэт по поводу «Василия Теркина». Его читатель не был каким-то умозрительным. Это были реальные люди, с которыми поэт шел бок о бок по дорогам войны. Он прекрасно знал их мысли и чаяния.

Но ориентация на читателя, внимание к его мнению (а переписка у него была обширная) не заставили отойти от главных своих творческих установок.

Он, например, вспоминал, что некоторые читатели хотели видеть главного героя оставшимся после войны в армии в качестве наставника, другие — вернувшимся в колхоз.

Но автор не пошёл на поводу этих читательских пожеланий. Они, по его мнению, упростили бы образ героя, строй стиха. Поэт увидел, что это может свести произведение к какой-то истории, лишит её всеобщности содержания.

Другой пример из творчества того же автора: стихотворение «Я убит подо Ржевом», написанным уже после войны и ставшим заметной вехой в его творчестве.

В качестве заглавия выносится первая строка. Присутствие личного местоимения сразу подчёркивает связь лирического героя с адресатом произведения.

Указание на точное место гибели воина настраивает читательское восприятие на конкретно-изобразительную картину реально происходивших событий.

Отбор лексико-фразеологических средств выражения свидетельствует о том, что автор предполагает наличие у читателя-адресата определенного, конкретного запаса жизненных

впечатлений, живость узнавания: «ни дна ни крыши», «разрыв», «вспышка», «петлички, лычки».

Начало и большая часть повествования строится, преимущественно, с использованием глаголов совершенного вида в прошедшем времени. Однако в некоторых местах автор прибегает к глаголам несовершенного вида настоящего времени.

В первом случае достигается сильный психологический эффект присутствия павших за Родину в повседневной жизни читателя: они где-то рядом, наблюдают за нами.

Личные местоимения приобретают особое значение, высвечивают поэтические функции лирического героя: «Я убит...», «Я зарыт...», «Я... завещаю...».

Расширение автором гаммы местоимений, имеющих отношение к лирическому герою, заставляет читателя увидеть всех тех, кто сложил головы в этой войне.

Поддержанием высокого психологического накала достигается за счет постоянного обращения погибшего героя к читателю: «Наш ли Ржев наконец?», «Даже мёртвому — как?..»

Постоянное чередование картин жизни павшего воина, о которых автор имеет четкое представление и тех событий, о которых герой произведения может только догадываться, а реальный читатель их знает.

Погружаясь таким образом в текст, читатель сознательно или подсознательно, объединяет свое «я» с «я» лирического героя.

Усилению этого ощущения способствует постоянная перемежаемость в произведении двух тем: «тогда» и «сейчас».

Примеры можно продолжить. Укажем, что приемы актуализации читательского восприятия помогут нам достаточно конкретно обрисовать и сам облик предполагаемого читателя-адресата.

Приемов актуализации читательского восприятия много и они самые разнообразные. Может случиться так, что читатель увидит в произведении то, о чем сам автор даже не предполагал говорить.

Особенно это касается произведений зарубежной литературы, в которых иноязычный читатель скорее чем читатель-соотечественник, сможет различить общечеловеческие мотивы.

Например, Национальное собрание Франции предоставило права гражданина Шиллеру. Французы мотивировали свое решение так: «...люди, которые своими сочинениями и мужеством

служили делу свободы и подготовки освобождению народов, не могут считаться чужестранцами в стране, добившейся свободы благодаря просвещению и мужеству».

Сам же Шиллер ничего такого за своими произведениями не замечал.

Другой пример. Существует мнение, что не только читатель выбирает книгу, но и само произведение выбирает читателя. Здесь могут сыграть свою роль и различные исторические факторы, исторический путь развития.

В наши дни Фенимор Купер считается автором, который писал свои произведения для детей и юношества. А в пору создания этих произведений адресатом творчества были взрослые люди.

Читательское сознание в каждую эпоху обусловлено определенными человеческими отношениями. Всем известно выражение о том, что «бытие определяет сознание», а в нашем случае оно может определять и читательское восприятие литературного произведения.

Рассмотрим это на примере школьного анализа поэмы Гоголя «Мёртвые души». Факт продажи мёртвых душ Гоголь слышал от Пушкина. И на основании одного создал свое произведение.

Но время идет. Окружающая действительность меняется и это тоже оказывает влияние на восприятие произведения последующими поколениями.

Ревизские списки обновлялись через каждые 15 лет. И все эти годы помещики платили за крепостных, которых у них уже не было.

Нас учили (и сейчас учат), что Чичиков — человек опрятный снаружи и отталкивающе грязен внутри (душой). Чичиков их скупал для того, чтобы считаться равным в определенном социальном слое общества.

Пушкин с Гоголем увидели в этом поступок, достойный осуждения. Создаётся впечатление, что в их время морально-этические, нравственные категории имели достаточно весомое значение. Переступить через них было позорно.

Но вот идёт разбор этого произведения в школе. Мальчик, лишенный давления известных нам стереотипов, встаёт и спрашивает: «Почему Чичиков отрицательный герой? Он просто делал свой бизнес». Так молодой читатель, наш современник, воспринял этот образ.

И, действительно, если посмотреть на Чичикова глазами юного читателя. Что, собственно плохого делал герой Гоголя? Ну скупал мёртвые души, оказывал услугу целому ряду помещиков. Он же не подрывал экономику страны, не выводил государственные активы в офшор.

Да, он по нынешним меркам, ловкий, находчивый шарлатан. Но не более.

В этом случае можно согласиться с мнением юного читателя, выросшим в другую эпоху и воспитанным на иных морально-нравственных и этических категориях.

Таким образом общение автора и читателя может происходить в разных плоскостях и зависеть от самых разных обстоятельств.

Н. Ш. Час порушити питання про інтерпретацію художнього тексту. Визначаючи суб'єктивний характер естетичного сприйняття, О. Скафтимов зауважував, що інтерпретатор не є безкорисливим, треба читати художній твір по-чесному, бо «склад твору сам в собі носить норми його тлумачення».

Що скаже з цього приводу *Пащенко Микола Васильович*?